

А. Ю. Братухин

ПГНИУ, Пермь, Россия. Bratucho@yandex.ru

К. А. Яковлева

ПГНИУ, Пермь, Россия. karina.yakovleva2001@mail.ru

«КОЖАНЫЕ РИЗЫ» В РАННЕЙ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются использование образа «кожаных риз» из *Быт.* 3:21 представителями александрийской школы. Высказывается предположение, что Климент и Ориген опасались следовать Филону, писавшему о коже как о <мёртвом> теле, поскольку в этом случае душа оказывалась бы предсуществующей в соответствии с учением докетов-гностиков. На основании некоторых слов Климента высказывается предположение, что под одеждой, данной Богом людям, он подразумевал тленность или черты бессловесных животных. Свт. Григорий Назианзин и Свт. Григорий Нисский, следуя как Филону, так и Клименту, истолковывали «кожаные одежды» как «образ неразумной природы», «возможность к смерти». Прп. Иоанн Дамаскин принимает точку зрения александрийских авторов на рассматриваемый образ и говорит об одеждах как смертности, которая должна быть снята и заменена благолепием нетления.

Ключевые слова: Климент Александрийский, Ориген, Филон, Прп. Григорий Нисский, интерпретация, «кожаные ризы».

A. Yu. Bratukhin

Perm' State National Research University, Perm', Russia. Bratucho@yandex.ru

K. A. Yakovlyeva

Perm' State National Research University, Perm', Russia. karina.yakovleva2001@mail.ru

“Coats of skins” in the early Alexandrian tradition

The article discusses the use of the image of “coats of skins” from Gen. 3:21 by representatives of the Alexandrian school. It is suggested that Clement and Origen were afraid of following Philo, who wrote about the skin as a <dead> body (τὸν δερμάτινον ὄγκον, τὸ σῶμα), since in this case the soul would have to be considered pre-existent – in accordance with the teaching of the docetes, the gnostics, with whom these theologians argued. On the other hand, it might have been their dependence on Philo that prevented them from offering their own interpretations. Refuting his opponents' opinion, Clement insisted that the image of animal intercourse was not initially alien to human nature, and, therefore, it is impossible to talk about the sinful assimilation of a human being to mindless creatures and his fall to their level directly at the moment of copulation, for it is

primordially the same in humans and animals. On the basis of some words of Clement, it can be suggested that by the clothes given by God to people, he meant perishability (φθορά) or the features of mindless animals. St. Gregory of Nazianzus and St. Gregory of Nyssa, following both Philo and Clement, interpreted “coats of skins” as “heavy flesh (σάρκα βαρεῖαν)”, as “an image of unreasonable nature (τὸ σχῆμα τῆς ἀλόγου φύσεως)”, as “the possibility of death (τὴν πρὸς τὸ νεκροῦσθαι δύναμιν)” and as “carnal thought (τὸ φρόνημα τῆς σαρκός)”. The same combination of words is found in the Clement’s writings in the context of a comparison of flesh and spirit. In the passage of St. Gregory of Nazianzus about putting on tunics, a verbal similarity with a passage from Philo’s work (νεκροφορεῖν — νεκροφόρος) is found. Didymus the Blind calls “coats of skins” dense bodies (τὰ σώματα ταῦτα τὰ παχέα). St. John of Damascus, a systematizer of the Christian tradition, accepts the point of view of the Alexandrian authors on the image under consideration and speaks of clothing as death (τῆς θνητότητος), which must be removed and replaced by the splendor of incorruption. Clement spoke of putting on Christ as putting on an imperishable chiton, replacing perishable “coats of skins”.

Keywords: Clement of Alexandria, Origen, Philo, St. Gregory of Nyssa, interpretation, “coats of skins”.

Александрийские авторы II–IV вв. неоднократно обращались к образу «кожаных одежд», в которые Бог облёк согрешивших Адама и Еву (*Быт.* 3:21). Учитывая огромное влияние представителей этой школы на последующую христианскую литературу, представляется небезытересным рассмотреть развитие интерпретации указанного ветхозаветного стиха в их произведениях. Критикуя различные объяснения слов «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их», Климент и Ориген, самые ранние представители александрийской церковной традиции, не предлагают своего толкования. Так, первый пишет: «“Кожаными одеждami (χιτῶνας δερματίνους)” Кассиан¹ считает тела (τὰ σώματα). Позднее, когда мы предпримем <попытку> истолкования рождения человека (τῆς ἀνθρώπου γενέσεως), мы покажем, что он и учащие подобно ему пребывают в заблуждении в этом вопросе <...>» (*Strom.* III, 14, 95, 2). Обещанное опровержение ереси мы, вероятно, находим в *Strom.* III, 17, 102, 1–4, где сказано: «Если же рождение — — зло, тогда пусть хулители говорят, что во зле <пребывает> Господь, получивший в удел рождение, во зле — родившая <Его> Дева. Беда от злых <еретиков>! Клевета на рождение, они хулят

¹ В другом месте Юлий Кассиан назван «главой <учения> о призрачности <воплощения Христа>» (т. е. главой докетизма) (*Strom.* III, 13, 91, 1).

волю Бога и таинство творения. На этом <основано учение о> призрачности <воплощения Христа> у Кассиана, на этом — <подобное учение> и у Маркиона, и, разумеется, “душевное тело <Христа>” у Валентина, потому что они говорят: “Человек уподобился животным”, дойдя до совокупления». Климент, признавая далее, что вождедеющий чужого ложа превращается в зверя (ἐκθηριούται), отрицает, однако, что змей, взяв от неразумных животных образ соития (ἀπὸ τῶν ἀλόγων ζῴων τὴν ἐπιτήδευσιν τῆς συνουσίας), склонил Адама к вступлению в такую неестественную для первозданных (ὡς ἂν μὴ φύσει ταύτη κεχρημένον τῶν πρωτοπλάστων) связь с Евой. В этом случае, — считает он, — была бы хула на творение, в результате которого люди по своей природе оказались бы слабее неразумных животных. Однако, по мнению автора «Стромат», «если природа вела их, как и бессловесных животных, к чадородию, но они возбудились ранее, чем было должно, будучи прельщёнными обманом в юности, то справедлив суд Бога на не дождавшихся позволения» (*Strom.* III, 17, 103, 1). Из этой теодицеи следует, что животный образ зачатия не был изначально чужд человеческой природе, и, следовательно, о греховном уподоблении бессловесным существам и о падении до их уровня непосредственно в момент совокупления, исконно одинакового у людей и животных, говорить нельзя. Умалчивая здесь о природе «кожаных одежд», Климент лишь намекает на то, что свойства «бессловесных» были приобретены Адамом и Евой позже. В «Педагоге» Климент утверждает: «<...> когда первый человек согрешил и не послушался Бога, он был уподоблен (παρωμοιώθη), — говорит <Писание> (Пс. 48:13, 21), — скотам. Человек, согрешивший против разума (т. е. Логоса), заслуженно сочтённый неразумным, делается похожим (εἰκάζεται) на животных» (*Paed.* I, 13, 101, 3). Исходя из внутренней непротиворечивости сочинений Климента, можно сделать вывод, что это «уподобление» имело место в качестве вразумляющего наказания при получении «кожаных риз». Отметим, что Климент неоднократно сравнивал тех или иных грешников с животными. Иудеев, имеющих на устах слова Бога, но не базирующихся на вере в Отца и Сына, у него символизируют животные, жующие жвачку, но не имеющие раздвоенные копыта, еретиков, опирающихся на имя Отца и Сына, но не разжёвывающих слова Писания, — животные с раздвоенными копытами (*Strom.* VII, 18, 109, 3–5). В «Увещевании» он пишет о Христе: «Единственный из когда-либо существовавших, Он приручил самых

трудных для дрессировки животных — людей: легкомысленных — птиц, лживых — пресмыкающихся, гневливых — львов, падких до наслаждения — свиней, грабителей — волков. Камни и дерево не имеют чувств, но человек, погружённый в незнание, бесчувственнее камней» (Protr. 1, 4, 1, ср. *Paed.* III, 11, 75, 3).

Описывая учение еретиков в «Извлечениях из Феодота», Климент снова обращается к теме «кожаных риз»: «К трём бесплотным <вещественной и божественной душам и духовному семени (ὕλική ψυχή, θεία ψυχή, τὸ σπέρμα τὸ πνευματικόν)> на Адама надевается четвертое, земное, “кожаные одежды” (ὁ χοϊκός, τοὺς δερματίνους χιτῶνας)» (*Excerpta ex Theodoto* 3, 55, 1). Александрийский богослов отвергает подобную интерпретацию Быт. 3:21, поскольку она подразумевает предсуществующую душу (a pre-existent soul), и делает физическое тело результатом греха (Douglass 2007: 131–132 note 381).

О «кожаных ризах» Климент более нигде в своих сохранившихся сочинениях не пишет. Однако некоторые его пассажи позволяют предположить, что он мог иметь в виду под ними. В «Увещании к язычникам» он заявляет: «О <люди>, все образы (εἰκόνες), но не все подобия (ἑμφερεῖς)! Я хочу вас улучшить, обратившись к прообразу, чтобы вы стали похожими (οἴμοιοι) на Меня. Я умащу вас маслом веры, благодаря которому вы сбросите с себя тление (τὴν φθορὰν ἀποβάλλετε), и покажу нагое очертание праведности (γυμνὸν δικαιοσύνης ἐπιδείξω τὸ σχῆμα), с помощью которой вы поднимитесь к Богу» (Protr. 12, 120, 4–5). Эти слова, намекающие на подготовку к занятиям спортом (умощение маслом, обнажение), вызывают в памяти также последний стих из второй главы Бытия: нагими (γυμνοί) были Адам и Ева до вкушения от древа познания добра и зла (Быт. 2:25, ср. 3:7, 3:10). Об облачении во Христа, как в одежду, заменяющую, очевидно, тленные кожаные ризы, читаем в «Педагоге»: «И буду им, — говорит, — Пастырем и буду рядом с ними, как хитон близок их коже. Он желает спасти мою плоть (τὴν σάρκα), одев ее в хитон нетления (ср. *1 Кор.* 15:53), и Он умастил мою кожу (τὸν χρῶτα)» (*Paed.* I, 9, 84, 3). В *Strom.* IV, 7, 45, 3–4 приводится цитата из Эпихарма, который, говоря о природе людей, называет их «надутыми мехами (αὐτὰ φύσις ἀνθρώπων, ἀσκοὶ πεφυσημένοι)». Далее Климент заявляет: «А нам Спаситель сказал: “Дух бодр, плоть же немощна”, потому что “мысль плоти (τὸ φρόνημα τῆς σαρκός) враждебна Богу”». Так немощная и тленная плоть оказывается в сознании Кли-

мента связанной с кожаными «мехами». Отметим, что Климент употребляет слово $\chi\rho\acute{\omega}\varsigma$ в значении «характерная черта, слог», $\text{id}\acute{\iota}\omega\mu\alpha$: «та же самая *кожа* ($\tau\acute{o}\nu\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu\ \chi\rho\acute{\omega}\tau\alpha$) обнаруживается и у этого переведённого <Лукой с еврейского на греческий> послания <«К евреям»> и у «Деяний <апостолов>» (*Fragm.* 22). Впрочем, утверждать, что под данной людям Богом одеждой он подразумевал тленность или некое подобие бессловесных, мы не можем.

Ученик Климента Ориген задаётся вопросом, что нужно понимать под «кожаными ризами»: «Очень глупо и по-старушечьи, и недостойно Бога думать, что Бог, сняв с неких убитых или иначе как-либо погибших животных кожи, сделал образы хитонов ($\sigma\chi\eta\mu\alpha\tau\alpha\ \chi\iota\tau\acute{\omega}\nu\omega\nu$), сшив кожи наподобие сапожника. <...> Говорить, что кожаные хитоны есть не что иное, как тела — это убедительно и способно привлечь одобрение; однако как истинное не очевидно ($\text{o}\acute{\upsilon}\ \mu\eta\nu\ \sigma\alpha\phi\acute{\epsilon}\varsigma\ \acute{\omega}\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma$). Ибо, если кожаные хитоны есть плоть и кости, то как о них Адам говорит: “Ныне это кость от костей моих и плоть от плоти моей”? Итак, некоторые, борясь с этими сомнениями, объявили кожаными хитонами смертность ($\tau\eta\nu\ \nu\acute{\epsilon}\kappa\rho\omega\sigma\iota\nu$), которую надевают погибшие из-за греха Адам и Ева. Но и таковым совсем не легко показать, как Бог, а не грех, смертность вселил в нарушившего <заповедь>. Кроме того, они будут вынуждены говорить, что плоть и кости по собственному логосу не являются тленными, если отцы наши позже через грех получили смертность (*Origenes. Selecta in Genesim. Vol. XII, P. 101*). Генри Чэдвик отмечал, что в то время как гностики интерпретировали «кожаные одежды» как тела, Ориген оставался неуверенным в этом (*Chadwick 1966: 90*). В сочинении «Против Кельса» (IV, 40) Ориген говорит, что эти одежды имеют «таинственное значение, превосходящее платоновское учение о нисхождении души». В шестой проповеди на книгу Левит (2, 7) Ориген заявляет, что «кожаные одежды» являются «символом смертности, которую Адам получил из-за своей кожи и своей немощи, происходящей от разложения плоти» (*Bagby 2013: 39, note 227*).

Мы видим, что Климент и Ориген избегают однозначно говорить о том, что надо подразумевать под «кожаными ризами». Такой «апофатизм» в объяснении «кожаных риз» объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, нежеланием Климента и Оригена признать их плотью, что было бы чревато признанием метемпсихоза, с другой стороны, их зависимостью от Филона, не дающего иных интерпретаций. О значительном

влиянии на Климента Филона (наряду с аристотелизмом, стоицизмом, средним платонизмом и неоплатонизмом) говорит Э. Итгер (Itter 2009: 1). В самом деле, Филон Александрийский не давал объяснения «кожаных риз», но сопоставлял кожу с мертвой плотью²: «<...> Бог “увидел, что Эр (Er)³ был нечестивцем” (без <указания на> какую-либо очевидную причину <его нечестивости>) и убил его (ср. Быт. 38:7). Ибо Бог не пребывал в неведении, что наше кожаное бремя (τὸν δερμάτινον ὄγκον), тело (τὸ σῶμα) — ибо Эр переводится “кожаный” — является злым и замышляющим против души, и всегда мертвым и лишённым жизни. Ибо что иное, по-твоему, каждый из нас делает, как не носит мертвое (νεκροφορεῖν)?» (Philo. *Legum allegoriarum*. III, 69). Отметим, что Эр является транслитерацией еврейского имени עֶר [‘ēr]⁴, кожа на иврите — רֵיב [‘ōr] (Быт. 3:21) (Brown 1999: 736)⁵. Согласные в этих словах одинаковые, различаются только огласовки. Вероятно, именно на Филона опирался свт. Григорий Назианзин, когда писал: «Прежде, чем должно, вкусил он плода и облекся в хитоны / Кожаные, в эту тяжкую плоть (σάρκα βαρεῖαν), <когда стал> трупоносцем (νεκροφόρος), / (Христос ведь полагает смерть пределом ошибки), пришёл он / Из рощи <рая> на землю, откуда был родом, воспринял / Многострадальную жизнь»⁶.

После Григория Назианзина обратимся ещё к одному автору IV в. Свт. Григорий Нисский писал: «Ведь как если некто, имеющий на себе разодранный хитон, будет лишён (γυμνωθεῖν) покрова, уже не увидит на себе непристойность отброшенного, так и мы, когда снимем с себя тот мёртвый и уродливый хитон, из бессловесных шкур на нас накиннутый — мне кажется, что под кожей подразумевается образ неразумной природы (τὸ σχῆμα τῆς ἀλόγου φύσεως), в который мы, свыкшиеся со

² Ср. «“в тимпане и лице хвалите Его” (Пс. 150:4), — <это Он> говорит о Церкви, поучающейся воскресению плоти благодаря гудящей <мёртвой> коже <тимпана> (τῆς σαρκὸς τὴν ἀνάστασιν ἐν ἤχοῦντι τῷ δέρματι)» (Clem. Alex. *Paed.* II, 4, 41, 4).

³ В LXX — Ηρ.

⁴ Имя старшего сына Иуды Ира/Эра сопоставляют с причастием глагола רֵיב ‘очнуться, просыпаться’ в пароде Qal (Brown 1999: 735).

⁵ В т. н. «свитке Севера» (Sev.) обнаруживаем אור כְּנוּת ‘одежды света’ (Тов 2001: 114).

⁶ Gregorius Nazianzenus. *Carmina dogmatica* 8, 114–118. Рус. пер.: Григорий Богослов, свт. Догматические поэмы / Пер. с древнегреч. Т. Г. Сидаша. СПб., 2012. С. 41 (с изменениями).

страстью, облеклись, — всё, что было на нас от бессловесной кожи при снятии хитона, отбросим от себя» (*Gregorius Nyssenus. Dialogus de anima et resurrectione* // PG. 46. Col. 148). Из этих слов следует, что Адам и Ева получили своеобразный «синтезированный» Богом покров, привходящие признаки, *συμβεβηκότα* (Bratukhin 2019: 315). Кожаные ризы, по Григорию Нисскому, сообщили человеку характерные черты животных: «Когда человек выбрал это материальное наслаждение вместо душевной радости, <Бог> оказался неким образом уступившим ему в этом желании посредством <дарования> кожаного хитона, который надел на него из-за <его> уклонения к худшему. Из-за какого <хитона> [к человеку оказались примешаны] особенности неразумной природы (*τῆς ἀλόγου φύσεως τὰ ἰδιώματα*); одяние для разумной природы было приготовлено мудростью Осуществляющего посредством противоположного лучшее. Ибо тот кожаный хитон, несущий в себе все особенности, которые он, охватывая неразумную природу, имел (*πάντα γὰρ φέρων ἐν ἑαυτῷ τὰ ἰδιώματα ὁ δερμάτινος ἐκεῖνος χιτῶν ὅσα εἶχε περιέχων τὴν ἄλογον φύσιν*) — и наслаждение, и гнев, и прожорливость, и ненасытность, и подобное, — даёт человеческой свободе выбора путь уклонения в обе стороны, становясь материей и для добродетели, и для порочности» (*Gregorius Nyssenus. De mortuis non esse dolendum. Vol. 9. P. 55 = PG. Vol. 46. P. 524*). В трактате «О девстве» Григорий пишет о «покровах плоти» (*τῶν τῆς σαρκὸς προκαλυμμάτων*), «кожаных одеждах» как о «плотской мысли (*τὸ φρόνημα τῆς σαρκός*)» (*De virginitate. 13, 1*). Можно вспомнить приведённый выше фрагмент из *Strom. IV, 7, 45, 3–4*, в котором встречаем это же словосочетание.

О «кожаных одеждах» как о смертности свт. Григорий Нисский пишет в «Большом огласительном слове»: «Ведь когда, — говорит <Моисей>, — первые люди предались запрещённому и стали нагими от того блаженства, Господь набросил на первозданных кожаные одежды. <...> Но так как любая кожа, снятая с животного, мертва, после этого, думаю, Лечащий нашу порочность, чтобы не всегда она сохранялась, по промыслу набросил на людей возможность к смерти (*τὴν πρὸς τὸ νεκροῦσθαι δύναμιν*), которая была характерной для неразумной природы. Ведь хитон состоит из налагаемого на нас внешнего, до нужного времени предоставляя телу пользоваться собою, не сросшийся с природой. Итак, от природы бессловесных мертвенность (*ἡ νεκρότης*) домостроительно была надета на приро-

ду, созданную для бессмертия <...>» (*Oratio catechetica magna*. 8). Похожая идея содержится в сочинениях, приписываемых свт. Афанасию Великому. Например, в «Проповеди о страсти и кресте Господнем» «кожаные хитоны, получившиеся из мертвых животных» названы символом умерщвления за грех, присоединившегося к Адаму (*Homilia de passione et cruce Domini*. Vol. 28. Col. 221).

Марк Маккормик в своём исследовании антропологии свт. Григория Нисского сопоставляет подлежащие устранению «неразумные импульсы, которые содействовали нашему возрастанию в добродетели», но стали ненужными для привлечения человечества к Богу, с «кожаными одеждами», что будут сброшены при окончательном восстановлении. «Определённые качества тел, такие как половая дифференциация (см. Гал. 3:28), рост и старение, будут отложены (*will be laid aside*) в пользу “чего-то более тонкого и эфирного”. <...> Акцент в его мысли делается на понимании того, что, хотя эти стороны воплощения (*these aspects of embodiment*) могут продолжать существовать, их функциональность больше не будет необходима для обеспечения союза с Богом» (McCormick 2019: 61).

Дидим Слепец говорит о «кожаных одеждах» как о тучных, плотных телах (*τὰ σάματα ταῦτα τὰ παχέα* (*Commentarii in Iob*. Codex. P. 277)).

Прп. Иоанн Дамаскин, в своих трудах систематизирующий христианское учение, пишет в «Проповеди на великую субботу» (24): «Облекший праотцов рода <человеческого> в кожаные хитоны, добровольно обнажается для распятия, чтобы, сняв с нас смертность (*θνητότης*), одеть в благолепие нетления (*τὴν τῆς ἀφθαρσίας εὐπρέθειαν*)» (Vol. 96. P. 624). Как мы помним, мысль об облачении во Христа, как в хитон нетления (*τὸν χιτῶνα τῆς ἀφθαρσίας*), была высказана Климентом Александрийским.

На основании рассмотренных фрагментов мы можем сделать вывод, что истолкование «кожаных одежд» как некоей тленности, предложенное Филоном, принятое Климентом Александрийским «страха ради докетска» с оговорками и лишь в намёках представленного в его трудах, было усвоено свт. Григорием Нисским и окончательно закрепилось в церковном предании ко времени прп. Иоанна Дамаскина. Такая интерпретация, с одной стороны, исключала гностическое понимание библейского текста, с другой стороны, позволяла авторам следовать в русле древней традиции.

Литература

- Bagby, R. S. 2013: *Sin in Origen's Commentary on Romans*. Durham University.
- Bratukhin, A. Yu. 2019: Review on: Khramov A. V. Monkey and Adam. Can a Christian be an evolutionist? In: *The Bible and Christian antiquity* М.: Nikeya, 308–322.
- Братухин, А. Ю. 2019: Рецензия на: Храмов А. В. Обезьяна и Адам. Может ли христианин быть эволюционистом? В сб. *Библия и христианская древность*. № 3 (3). М.: Nikeya, 308–322.
- Brown, F. 1999: *The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon*. Peabody, Mass.
- Chadwick, H. 1966: *Early Christian Thought and the Classical Tradition: Studies in Justin, Clement, and Origen* Oxford.
- Douglass, J. R. 2007: *"This flesh will rise again": retrieving early Christian faith in bodily resurrection*. Duquesne University.
- Itter, A. C. 2009: Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. In: *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston. Vol. 97. XX.
- McCormick, M. 2019: *The Theological Anthropology of St. Gregory of Nyssa*. Memphis, Tennessee.
- Tov, E. 2001: *Textual Criticism of the Hebrew Bible*. Moscow.
- Тов, Э. 2001: *Текстология Ветхого Завета*. Пер. с англ. К. Бурмистров, Г. Ястребов. М.